

Павел Засодимский

Лютик

Павел Владимирович Засодимский

Лютик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633125

Бывальщины и сказки: Издание А. Ф. Девриена; СПб; 1888

Аннотация

«...Вдруг ослепительная молния загорелась над землей и в ее неверном, красноватом освещении на несколько мгновений озарились степные дали, три высокие старые сосны и холм и на холме девочка. С белым цветком в руке, выпрямившись и слегка закинув голову, стояла она на вершине холма, обратив свое побледневшее лицо к черным, грозным тучам, тяжело нависшим над ее головой. Порывистый ветер, как бешеный, рвал и крутил на ней платье, развевал ее черные волосы...»

Содержание

I	4
II	9
III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Павел Владимирович Засодимский Лютик

I

Вся как на ладони

Ей шел тринадцатый год. Она была среднего роста, стройная; на щеках нежный розовый румянец, глаза большие, сияние, как вечернее летнее небо. Ее густые волосы, тонкие, как шелк, и черные, как вороново крыло, перевязанные пунцовою бархатной ленточкой, спускались ей на спину, бежали по плечам. Она была очень красива, но чернилами мне не написать ее портрет.

При крещении ее называли Людмилой, родные звали ее Лютиком.

Она жила с отцом, — с матерью в усадьбе, в деревенской лесной глуши. С первого дня жизни ее все баловали: у нее не было ни братьев, ни сестер, и вся любовь родных досталась ей одной. Когда она была маленькою, ее все носили на руках; когда же подросла, все стали смотреть ей в глаза, как своей повелительнице. Все желание и капризы ее исполнялись: для

того ей стоило только сказать слово... Все ласки и все услуги она принимала, как должное. И девочке мало-помалу стало казаться, что весь мир создан для нее...

Солнце светило с небес для того, чтобы ей было приятнее гулять; дождь шел для того, чтобы поливать ее любимые цветы; буря с громом и молнией проносилась, конечно, затем, чтобы Лютик после нее могла подышать свежим, благоухающим воздухом; по ночам месяц и звезды горели в небе также для ее удовольствия, и все люди вокруг нее жили, разумеется, для ее пользы и забавы... Ей, значит, не за что и некого было благодарить.

И, действительно, девочка относилась к людям холодно и безучастно. Если она улыбалась, то с таким видом – как будто оказывала великую милость. Не даром же няньки и мамки натрубили ей в уши, что «как взглянет она весело, так, словно, рублем подарит». И Лютик иногда под веселый час очень охотно дарила окружающим эти дешевые «рубли», ничего ей не стоившие. Даже мать и отца целовала она не потому, что ей хотелось выразить им свою ласку и нежность, а просто по привычке, из приличия, ради раз навсегда установившегося обычая. В ответ на шутки она охотно и весело смеялась, хотя бы и не чувствовала особенной веселости: у нее были белые, ровные зубы, и смех очень шел к ее хорошенькому личику; она уж давно узнала это, смотрясь в зеркало. Нельзя сказать, чтобы она была зла, но не было в ней и добра: любви не было в ее сердце. Лютик много думала о себе и очень мало о

других.

Она жила в холе, на приволье, как растение, как красивый цветок, и если бы она была действительно цветком, то, конечно, чувствовала бы себя совершенно счастливою; но она не была цветком и поэтому не могла быть счастлива и довольна своею «растительной» долей. Лютик чувствовала себя одинокою: люди жили сами по себе, она – сама по себе. Иногда она страшно скучала – не знала: куда девать время и куда деваться ей самой. Всевозможные детские книги, всевозможные куклы и игрушки были у нее и все они уже давно ей надоели.

– Мне что-то скучно, мама! – бывало, жаловалась Лютик.

– Отчего же тебе скучно, милочка? – спрашивала ее мать.

– Да так... я не знаю... скучно! – надув губки, печально отвечала Лютик.

– Ну, займись чем-нибудь или поиграй!

«Поиграй! Займись!» – легко сказать... Старые игры – все одни и те же, – опротивели, а новых нет. Заняться?.. но чем же? Работать ей не для кого и не для чего... А работать что ни попало, без толку, без цели – так же скучно, как черпать воду решетом.

Девочка была ленива, училась плохо, да ее особенно и не принуждали. Нянюшки и мамушки говорили, что «барышне не Бог весть что и надо», что «ей ведь, слава Богу, не на службу идти!» Да и мать также думала, что «Лютик еще успеет выучиться»...

Она ни о чем не заботилась, ни над чем не задумывалась, и все впечатление скользили по ней мимолетно и бесследно... Однажды, например, она услышала на дворе шум и, высунувшись из окна, увидала какую-то маленькую деревенскую девочку, с плачем бегущую по двору.

– О чем она плачет? – спросила Лютик.

– Она забралась в сад яблоки воровать... А ее там увидели, оттащали за волосы и вытолкали вон! – отвечали Лютику.

– А-а! – безучастно протянула она и через минуту уже забыла и про девочку, и про зеленые, кислые яблоки, так дорого доставшиеся ей...

Только один отец замечал, что Лютик растет каким-то бесчувственным истуканом.

– Не знаю: что выйдет из нашего Лютика... Боюсь я за нее! – сказал он однажды жене. – Она какая-то странная... какая-то черствая, холодная! Никого она не приласкает, никого не пожалеет, вечно занята собой и совсем не обращает внимание на других. Ты замечаешь: она никому ничего не дарит, она ничем не поделится...

– Ах, полно, мой друг! – возражала ему жена. – Чего же ты требуешь от ребенка... Что же она еще понимает?.. Вот, погоди, вырастет...

Отец, молча, задумчиво качал головой.

Неизвестно; что вышло бы из Лютика, если бы не приключилась с ней одна интересная история. Эта-то история и бу-

дет рассказана здесь...

II

Няня открывает тайну

Однажды вечером няня рассказывала Лютику, что около их усадьбы, в Суходольной пустоши, в старые годы зарыт разбойниками клад. Над кладом насыпан высокий бугор и он уж давно травой весь зарос; у подошвы бугра три сосны стоят, клад сторожат.

– Денег, серебра, и золота и камней самоцветных там – тьма! – говорила няня.

– А как же добыть этот клад? – спросила Лютик, внимательно выслушав рассказ.

– Трудно его достать, очень трудно... – кряхтя и позуывая, толковала няня. – Ночью накануне Иванова дня надо идти туда одному, а крест нужно снять с себя, оставить дома... Ну вот, как придешь туда, в самую полночь, и надо встать на бугор, три раза топнуть ногой в землю и молвить: «Клад, клад, дайся мне!» А тут уж только держись... Зашумит кругом тебя, затрещит, загремит, всякие ужасы поднимутся... Оборачиваться уж нельзя! Стой да дожидайся!.. Не испугаешься – клад твой, а ежели побежишь – все пропадет.

– Значит, няня, нужно три раза топнуть ногой о землю... только и всего? – спросила Лютик.

– Нет, голубка! – продолжала старуха. – Нужно еще взять с

собой цветок папоротника. Он цветет только один раз в год – в Иванову ночь... Надо сорвать его так, чтобы ни один людской глаз не видал того, и никому не показывать этот цветок. В нем – вся сила. Без него клад не покажется и во веки веков.

– Няня! А много там денег? – немного погодя, задумчиво спросила Лютик.

– Страсть! Видимо-невидимо... просто, конца краю нет... – отвечала няня. Так старые люди говорят...

– На эти деньги я могу все купить, все сделать? Да? – приступала девочка.

– Все, что твоей душеньке угодно! Все...

Девочка обеими руками облокотилась на стол и задумчиво смотрела в темный угол. Там ей чудились золотые горы... Густой румянец заливал ее щеки, глазки горели... «Вот где они, деньги-то!» думалось ей. А она уж знала силу, могущество денег. Все вокруг нее говорили о деньгах, говорили о том, что с деньгами можно все сделать...

С того вечера прошло много дней и ночей, но Лютик крепко запомнила сказание о кладе. Клад не выходил у нее из головы. Девочке захотелось достать его, и она не раз принималась расспрашивать няню о том, где находится заветный бугор, как пройти к нему. Лютик с нетерпением дожидалась «ночи на Ивана Купалу». Только одно смущало ее: как найти цветок папоротника.

– Где он растет? – спрашивала Лютик.

– Говорят, в болоте... – отвечала няня.

– Каков же с виду этот цветочек? – допытывалась Лютик.

– Сама-то я не видала его... – поясняла старуха. – А скажут, что такой беленький, да красивый, на высоком стебельке... И весь-то он светится, как жар горит...

Наступило, наконец, 23 июня.

– Вот и до Аграфены Купальницы дожили... – говорила няня. – А завтра – Иванов день... а там – Петра и Павла... Охо-хо-хо! Как времечко-то идет, ровно вода льет... Не увидим, как пройдет и лето красное...

Лютик промолчала, ничего не сказала няне и весь тот день провела в страшной тревоге. Она не могла ни за что взяться, не могла посидеть спокойно; то ей было душно, то дрожь пробирала ее от нетерпенья и в виду ожидающих ее ночных ужасов...

– Что с тобой, милочка? Здорова ли ты? – спрашивала ее мать.

– Так что-то тяжело... – ответила Лютик.

– Да! Сегодня душно в воздухе... – заметила мать.

– К ночи, вероятно, соберется гроза! – сказал отец.

«Вот еще беда!» – подумала девочка.

Мать посоветовала ей выкупаться. Лютик пошла с нянькой на реку и выкупалась, но ей легче от того не стало.

День 23 июня показался Лютику томительно-долгим, мучительным днем.

III

Ночь накануне Иванова дня

Наступает ночь – тихая, ясная...

Лютик лежит уже в постели с закрытыми глазами, но не спит. Она заложила руки под голову, и волосы ее темною, густою волной рассыпались по подушке. А сердце ее бьется, бьется... Страшно идти одной ночью... Ведь нужно будет зайти в лес, найти цветок папоротника, потом пройти по степи, к бугру... Положим, до леса недалеко, не более версты... А все-таки хорошо было бы взять с собою няню... Да!.. но нет! нужно идти одной, и она пойдет одна, и достанет клад и будет богатая, богатая...

В раскрытое окно льется из сада аромат цветущих лип, видно темно-синее небо, какая-то ночная птичка поет в кустах сирени...

Лютик сегодня, сейчас пойдет за кладом и только ждет, чтобы все поскорее улеглись, утомонились, чтобы не мешали ей. Наконец, в доме все затихло... Старинные дедовские часы, висевшие на стене против кровати, сказали Лютику: «пора!» Стрелка их приближалась к XI, и няня уже давно храпела...

Час настал. Лютик тихо поднялась, сняла с себя крест, положила его под подушку, оделась потихоньку, осторожно со-

шла с лестницы, пробралась через окно в сад, из сада в поле. Там она скоро напала на тропинку и пустилась бегом.

Когда она подошла к лесу, ей стало жутко. Лес стоял темный, безмолвный, величаво поднимая к небу свои раскидистые, зеленые вершины. Ночные тени лежали в чаще леса, и по лесу расходился какой-то таинственный шорох... Ах, Лютик! Не пойти ли лучше назад? Страшно ночью в лесу... Нет! она пойдет вперед: ей необходимо нужно достать цветков папоротника. А он расцветает только один раз в год, говорит няня, сегодня ночью... Если бы кто-нибудь указал ей этот цветок! Лютик не знала никаких цветов, кроме тех, что растут у них в саду, да и к тем она мало присматривалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.